

Жан-Люк Нанси

*Тело: вовне или внутри.
Пятьдесят восемь показаний
о теле*

Вспоминая о дискуссиях, имевших место у нас с Валерием Подорогой в пору (уже довольно далекую – дело было в 1998–1999 гг.) выхода в свет на русском языке первой редакции «Corpus»'а и отчасти опубликованных в приложении к этому переводу, сегодня мне представляется возможным предложить это неприятозательное дополнение, с помощью которого, быть может, удастся возобновить дискуссию, и вместе с тем я рад преподнести Валерию текст «58 показаний о теле», включенный во французское третье издание (2005) «Corpus»'а. Пусть продолжится дискуссия – между нами, между языками, культурами и мышлениями, – именно в этом жизнь и дружба этого *между*, то есть того, что нас объединяет, разъединяя, того, что разносит в пространстве, раскрывая: нас, наши тела. – *Июнь 2006.*

* * *

Есть два пути преодоления дуализма души и тела, каким его принято представлять, а именно под знаком разделения сущностей и принижения тела под господством духа (такое представление на самом деле относится лишь к самым вульгарным регистрам понимания философской традиции: стоит присмотреться как следует, и легко обнаруживаешь, что ни одна великая философия не замкнута на этом упрощении).

Первый путь состоит в соотношении с телом свойств, некогда приписывавшихся душе, по аналогии с тем как Фейербах призывает приписать человеку свойства, которые полагают принадлежащими Богу. Так тело становится местом самоналичия и внутренности, и преодоление дуализма оборачивается монизмом. В таком случае говорят о теле мыслящем, теле означающем, теле смысла и истины.

Второй путь состоит в переосмыслении самого дуализма, точнее его вульгарного понимания: дуализм надлежит помыслить иначе.

На этом втором пути вовсе не предполагается вновь изгнать тело из сферы смысла и истины в потемки его органической пещеры. Наоборот, речь идет о том, чтобы помыслить, совсем как на первом пути, тело *чувствующее* – причем во всем возможном диапазоне данного термина: тело, одаренное ощущением, способностью чувствовать и обозначать, и той вещью по ту сторону смысла (*sens*), на которую какое угодно чутье (*sens*) указывает как на истину. Вообще, «чувствовать» – это первая из операций, которым соответствует «мышление», как оно определяется Декартом, и эта операция задает фундаментальный характер всех прочих: раскрытие внутреннего на внешнее и внешнего на внутреннее.

«Тело» в этом контексте не определяет некую «субстанцию», отличную от какой-то другой, как протяженность отлична от мышления, – оно определяет *само отличие*, благодаря которому только и могут дифференцироваться «внешнее» и «внутреннее». Тело здесь уже не является отличным от чего-либо, оно само отличает и отличает себя. Отличая себя, оно отличает некую *самость* – оно отличает себя как «самость» – и уже исходя из этого отличает два строя или два регистра, предстающих друг другу как «внутреннее» и «внешнее».

Но «внутреннее» в данном случае – это не *a priori*, не внутреннее пространство тела, понятого как физиологическое единство, замкнутое на самом себе, ни даже это внутреннее пространство в смысле внечувственного содержания некоторой чувственно воспринимаемой оболочки («оболочка», «сосуд»,

«жилище», «темница» были расхожими метафорами дуалистической традиции: но мы знаем, что Декарт – не кто иной, как он, – категорически отказываясь воспринимать душу «в образе кормчего на своем судне», наоборот хочет, чтобы ее представляли в виде особой материи, рассеянной по всей протяженной материи тела).

«Внутреннее» здесь означает что-либо лишь сообразно своему отношению к «внешнему» (иначе оно может означать лишь нечто совсем расплывчатое). Сообразно *отличию*, которое и *есть* тело как таковое, внешнее и внутреннее с таким же успехом находятся «внутри» тела, как и «вне» его. Душа может быть как «внешним» объектом, совпадающим с ее имматериальной значимостью, так и «внутренним» идентичной имматериальности, представляемой как «глубина души» или некая «сокровенность» совести и аффекта. Тело есть отношение, посредством которого можно получить отсылку от внутренности к внешности, но разделение, определяемое этим отношением, не разделяет тело и душу как две субстанции: это разделение единственного и неповторимого субъекта с самим собой.

Так мы приходим к тому, что можно было бы назвать дуализмом не разъединения, но отличия, не исключения, но раскрытия, не гетерогенности, но гетерогенеза *омоусии* (воспользовавшись термином тринитаристской теологии, обозначающим тождество природы отличных ипостасей).

Одним словом: тело является *выставкой* субъекта. Субъект не может не быть выставленным, то есть раскрытым на – и раскрытым посредством – внешнего или другого – «своего», как полагают возможным говорить, или же «другого», как также считают возможным говорить. Но идет ли оно от того же субъекта или же от другого, это все то же внешнее, которое открывает внутреннее – или все то же внутреннее, понятое как интимная сокровенность, а то и как *interior intimo teo*, которое раскрывает себя.

«Самораскрытие» нельзя сравнивать с раскрытием какого-то прежде закрытого пространства, вроде того как открывают дверь, изнутри или извне дома. «Самораскрытие», напротив, предпола-

гает *конституирование* «самости» в раскрытии «себя»: это не что иное, как конституирование «самости» как таковой. Потому что «самость» – не что иное, как «отношение к себе», а такое отношение предполагает выход-из и возвращение-к – но выход-из и возвращение-к не имеют в виду ничего предданного в качестве внутреннего или внешнего, потому что «самость» или «se» («self» или «Selbst»), если обозначить ее по-английски и по-немецки, поскольку мне неизвестно, как это сказать по-русски, что было бы здесь уместней) сама по себе, в себе – не что иное, как *для-себя* движения выхода-и-возвращения, которое, стало быть, не выходит ни из чего и ни к чему не возвращается, ибо его «субстанция» – всецело в этом двойном движении.

Именно это двойное движение означает *вы-ставление*, вынесение вовне, вынесение вне себя, которое составляет природу и структуру «самости». Это «вне себя» поворачивает ее к «себе», и нет такого «для-себя» самости, которое не было бы вместе с тем ее «вне-себя».

Вот что есть – или что составляет – тело: тело открывает и выставляет, открывается и выставляется. Тело, всей своей кожей и всеми своими отверстиями, вы-ставляет «внутреннее», которое на самом деле нигде, которое ни «внутри» него, ни тем более «вовне», но – оно само (его одушевленная, пневматическая, духовная, бестелесная и т.п. тожесть), *поскольку оно есть «то же» не иначе как в биении своей выставленности*. И это выставление – не что иное, как другое обозначение *экз-истенции*.

Тело есть экзистенция, и экзистенция может быть только телесной. Это единственный радикальный и последовательный материализм. Это материализм выставленной материи.

[ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ПОКАЗАНИЙ О ТЕЛЕ*]

1. Тело материально. Оно плотно. Оно непроницаемо. Если в него проникают, тело раздробляется, раздирается, разрывается.
2. Тело материально. Оно отстранено. Отлично от других тел. Тело начинается и кончается напротив другого тела. Даже пустота – очень тонкая разновидность тела.
3. Тело не пусто. Оно наполнено другими телами, кусками, органами, деталями, тканями, шарнирами, секциями, трубками, рычагами и насосами. Оно поэтому наполнено самим собой: это все, что оно есть.
4. Тело вытянуто в длину, ширину, высоту и глубину: все это в большей или меньшей мере. Тело протяженно. Со всех сторон оно соприкасается с другими телами. Тело корпулентно, даже если оно худощаво.
5. Тело нематериально. Это некое очертание, контур, идея.
6. Душа, по Аристотелю, есть форма организованного тела. Но именно тело очерчивает эту форму. Оно есть форма формы, форма души.
7. Душа, по Декарту, сопротяжена с телом, она вся целиком повсюду на всем его протяжении, прямо на нем, пронизывая его, проскальзывая и просачиваясь в тело: оплодотворяющая, цепляющаяся словно щупальца, удушающая, вылепляющая, вездесущая.
8. Душа материальна, но из совсем другой материи – материи без места, без размера, без веса. И все-таки материальна, хотя и очень тонко. Поэтому она и ускользает из виду.
9. Тело видимо, душа невидима. Мы видим, как паралитик не может шевельнуть ногой здоровой половины тела. Мы не видим, как

* Этот текст был опубликован в Монреале в 2004 году в издательстве «Nota bene» вместе с текстом Жинетт Мишо «Приложение/Аппендикс».

дурной человек не может шевельнуть здоровой половиной души: но следует думать, что это результат паралича души. И что с ним надлежит бороться, дабы добиться от души повиновения. Вот основанье этики, дражайший Никомах.

10. Тело – это и тюрьма души. Здесь она очищается от вины, чью природу нелегко распознать, но которая была весьма тяжелой. Вот почему тело для души крайне тягостно и неудобно. Оно заставляет ее переваривать, спать, испражняться, потеть, осквернять себя, увечиться, болеть.

11. Зубы – решетки на окошке этой тюрьмы. Душа ускользает из заточения через рот, в словах. Но слова – все еще некие истечения тела, эманации, легкие складки воздуха, изошедшие из легких и согретые теплом тела.

12. Тело может сделаться говорящим, мыслящим, грезящим, воображающим. Оно все время что-то ощущает. Оно ощущает все, что телесно. Оно ощущает оболочки и камни, металлы, травы, воды и языки пламени. Оно не перестает ощущать.

13. И однако ощущает-то – душа. И перво-наперво душа ощущает тело. Она ощущает его со всех сторон, как то, что ее содержит и удерживает. Если бы тело ее не удерживало, она бы вся вырвалась в летучих словах и растаяла в небе.

14. Тело подобно чистому духу: оно всецело определяется самим собой и в себе самом, в одной-единственной точке. Если эту точку взломать, тело умирает. Такая точка локализуется между глаз, между ребер, в печенках, по окружности черепа, в бедренной артерии и еще в ряде других мест. Тело – это собрание духов.

15. Тело есть свиток (enveloppe): оно, стало быть, служит как оболочка того, что надлежит затем развивать. Это развитие беспредельно. Конечное тело содержит в себе бесконечность, но это не душа и не дух, а именно развитие тела.

16. Тело есть темница или бог. Среднего не дано. Или же среднее – мясо, анатомия, живодерня, а ничего из этого не составляет тела. Тело есть труп или оно прославлено. А причастно и трупу,

и прославленному телу – застывшая лучезарность: свойство статуи. Статуя – кульминация тела.

17. Тело к телу, бок о бок или лицом к лицу, построенные в один ряд или напротив друг друга, чаще всего просто перемешанные как попало, едва соприкасающиеся, мало что имеющие общего. Но таким образом тела, которые, собственно, никак не сообщаются, ничем не обмениваются, посылают некие количества сигналов, зазываний, намеков или знаковых жестов. Вид благодушный либо высокомерный, раздражение, оболыщение, удрученность, тяжело-весность, блеск. И все то, что можно обозначить такими словами, как «молодость» или «старость», «работа» или «скука», «сила» или «неловкость». Тела пересекаются, мимолетно соприкасаются, напирают друг на друга. Садятся в автобус, переходят улицу, заходят в супермаркет, лезут в машину, томятся в очереди, рассаживаются в кино, протиснувшись перед тем мимо десятка других тел.

18. Тело есть попросту душа. Душа морщинистая, жирная или поджарая, волосатая или мозолистая, жесткая, гибкая, ломкая, грациозная, раздутая газами, радужная, перламутровая, размалеванная, завернутая в тюль или закамуфлированная в хаки, разноцветная, покрытая автомобильной смазкой, ранами, бородавками. Это душа-аккордеон, душа-труба, душа-утроба виолы.

19. Затылок тверд, а надо достучаться до сердец. Печеночные доли размечают космос. Пол увлажняет пол.

20. Тела – это различия. И значит – силы. Дух – это не сила: это идентичность. Тело есть сила, отличная от ряда других. Человек напротив дерева, пес над ящеркой. Кит и спрут. Гора и ледник. Ты и я.

21. Тело есть различие. И, будучи различием в отношении всех других тел – тогда как духи суть идентичности, – оно никогда не перестает различаться. Оно различается и от себя самого. Как совместить младенца и старика?

22. Распираемые различием, все тела в некотором смысле уродливы. Совершенно вылепленное тело в мире тел тягостно, нескромно, неприемлемо. Это не тело, а схема.

23. От тела отделяется голова – и обезглавливать не надо: голова сама по себе отделена, отрезана от тела. Последнее есть некая совокупность, оно артикулируется и составляется, организуется. Голова состоит из одних отверстий, чья порожняя сердцевина превосходно представляет дух, точку, бесконечное сосредоточение в себе. Зрачки, ноздри, рот, уши – вот эти отверстия, эти выемки из тела. Оставив в стороне прочие отверстия, те, что внизу, это сосредоточение дыр соединяется с телом хлипким и хрупким каналом – шеей, по которой проходит спинной мозг и несколько сосудов, готовых в любой момент вздуться и лопнуть. Хлипкая скрепка, которой к простой голове привязывается и подчиняется сложное тело. Здесь совсем нет мышц – жилы да кости, заполненные рыхлым серым веществом, каналы, синапсы.

24. Тело без головы замкнуто на самом себе. Оно соединяет одни свои мышцы с другими, связывает между собой свои органы. Голова же проста – смесь альвеол и жидкостей в тройной оболочке.

25. Если человек создан по образу Божию, значит, у Бога есть тело. Быть может, он и есть тело, или всем телам тело. Тело мысли о телах.

26. Темница или Бог, ничего среднего: свиток запечатанный либо раскрытый. Труп или слава, свернутый либо развернутый.

27. Тела пересекаются, мимолетно соприкасаются, напирают друг на друга, переплетаются и сталкиваются: они бросают друг другу столько знаков, столько сигналов, обращений, зазываний, что все это многообразие не объять никаким определенным смыслом. Тела превращают смысл в чрез-смыслицу. Они суть чрезмерность смысла. Вот почему тело, кажется, обретает свой смысл, только когда становится мертвым, застывшим. И отсюда, быть может, наше толкование тела как гробницы души. На самом деле, тело не перестает шевелиться. Смерть останавливает это движение, которое цепенеет и сходит на нет. Тело есть движение (le bougé) души.

28. Тело: душа гладкая или морщинистая, жирная или поджарая, безволосая или заросшая, покрытая шишками или ранами, душа танцующая или мятущаяся, душа мозолистая, влажная, сгинувшая под землей...

29. Тело, тела: невозможно иметь одно-единственное тело, и тело несет различие. Это силы, поставленные и натянутые друг против друга. Это «против» (напротив, навстречу, «супротив») – важнейшая категория тела. Речь идет об игре различий, контрастах, сопротивлениях, захватах, проникновениях, отталкиваниях, плотностях, весах и мерах. Мое тело существует супротив ткани своих одежд, паров выдыхаемого им воздуха, сияния огней и прикосновений тьмы.

30. Тело собственное: чтобы быть собственным, тело должно быть чуждым и оказаться затем присвоенным. Ребенок разглядывает свою руку, свою ногу, свой пупок. Тело – это чужак, который не может без взлома проникнуть в ту самоналичную (*présent à soi*) точку, каковой является дух. Последний, впрочем, столь точечен и замкнут на своем бытии-для-себя-в-себе, что тело проникает сюда не иначе как непомерной экзогастроулой своей массы, превращающейся в род утолщения, опухоли вовне духа. Злокачественной опухоли, от которой духу не оправиться.

31. Тело космическое: в конечном счете, мое тело соприкасается со всем на свете. Мой зад со стулом, мои пальцы с клавиатурой, стул и клавиатура со столом, стол с полом, пол с фундаментом, фундамент с магмой в центре земли и со смещениями тектонических плит. Если же двинуться в противоположном направлении, то через атмосферу я прихожу к галактикам и в конце концов к бескрайним пределам вселенной. Мистическое тело, вселенская сущность и марионетка, дергаемая тысячью нитей.

32. Есть – значит не инкорпорировать, но раскрывать тело тому, что поглощают, выдыхать внутреннее с привкусом рыбы или смоквы. Бежать – значит разворачивать то же внутреннее в размашистых прыжках, укусах ветра на коже, напряженном дыхании. Мышление взрывает сухожилия и всевозможные пружины струя-

ми пара и марш-бросками по бескрайним солевым озерам. Никакой инкорпорации – всегда лишь вылазки, выверты, ускользания, вырезания или изливания, пересечения, балансировки. Инвагинация – метафизическая химера.

33. «Сие есть тело мое» – постоянное немое утверждение моего единственного присутствия. Оно предполагает некую дистанцию: «сие», вот то, что я выставляю перед вами. Это «мое тело». И сразу же встают два вопроса: к чему отсылает это «мое»? И если оно означает собственность, то какого рода? Так кто же собственник и какова легитимность его собственности? Ответа на «кто» нет, поскольку это и тело, и собственник тела, но нет ответа и на вопрос о «собственности», поскольку это и естественное право, и право труда или захвата (ибо я культивирую свое тело и ухаживаю за ним). «Мое тело» приводит, таким образом, к неопределимости обоих терминов данного выражения. (Кто дал тебе твое тело? Не кто иной, как ты сам, потому что на это недостало бы никакой программы, ни генетической, ни демиургической. Но тогда ты предшествуешь самому себе. Ты прежде своего рождения? А почему бы и нет? Разве я не пребываю всегда в собственном тылу и в канун прихода в «мое тело»?)

34. На самом деле «мое тело» указывает на обладание, а не собственность. То есть присвоение без легитимации. Я обладаю моим телом, обращаюсь с ним как хочу, у меня на него *jus uti et abutiendi*. Но и оно, в свою очередь, обладает мной: тянет меня и стесняет, застит, задерживает, толкает и отталкивает. Мы держим друг друга в руках, мы пара одержимых, чета демонических танцоров.

35. Этимологически «обладать» (*posséder*) – что-то вроде «сидеть сверху». Я сижу на моем теле, дитя или карлик, влезший на плечи слепца. Мое тело сидит на мне, расплющивая своим весом.

36. *Corpus*: тело-корпус есть собрание частей, кусков, членов, зон, состояний, функций. Головы, руки, хрящи, жжения, услады, брызги, сон, пищеварение, мурашки, возбуждение, дыхание, переваривание, воспроизводство, поправление, слюна, синовия, вы-

вихи, судороги и родинки. Это всем собраниям собрание, *corpus corporum*, чье единство остается под вопросом для него самого. Даже под видом тела без органов у него все равно сотня органов, из которых каждый тянет на себя и расстраивает целое, каковому никогда уже не достичь тотальности.

37. «Это вино в теле»: оно дает во рту ощущение крепости, плотности, добавляющейся ко вкусу; дает возможность касаться себя, ласкать, перекачивать языком от щеки к щеке, у нёба. Ему недостаточно быстро проскользнуть в желудок, оно закатает рот пленкой, тончайшей мембраной или отложением своего вкуса и своего тонуса. По аналогии мы могли бы сказать «это тело в вине»: ударяет в голову, испускает испарения, которые чаруют и цепляют дух, возбуждает, подстрекает коснуться его, дабы наэлектризоваться от соприкосновения с ним.

38. Нет ничего уникальней этого чувственного, эротического, аффективного разряда, который переносят на нас иные тела (или, наоборот, безразличия, которое не в силах с нас отряхнуть другие). Такая-то конституция, тип худобы, такой-то цвет волос, повадка, разлет глаз, движение или очертание плеча, подбородка, пальцев, такой пустяк, но столь необходимый акцент, изгиб, незаменимая черта... Это не душа, но дух тела: его острие, его подпись, его запах.

39. «Тело» отлично от «головы», как и от своих «членов», по крайней мере от «конечностей». В этом контексте тело есть ствол, носитель, колонна, столб, опора строения. Голова сводится к одной точке; у нее на самом деле нет поверхности, она вся сделана из дыр и отверстий, через которые входят и выходят разного рода сообщения. Подобным же образом и конечности формируются из своего окружения, исполняя здесь определенные операции (шагать, ждать, хватать). Тело остается вчуже всему этому. Оно положено на себя, в себе: не обезглавлено, конечно, но его чахлая головенка торчит на нем словно шпилька.

40. Тело есть в-себе конкретного для-себя. Внутри отношения к себе оно есть момент абсолютной безотносительности. Оно не-

проницаемо, непробиваемо, оно немо, глухо, слепо и лишено осязания. Оно массивно, грубо, бесчувственно, безаффективно. Оно также есть в-себе для-других, повернутое к ним, но без малейшего к ним уважения. Единственное, что у него есть, – это эффективность, но зато абсолютная.

41. Тело хранит свою тайну, этот пустяк, этот дух, который не обитает в нем, а разбросан, раскатан, рассеян по всему телу, хотя у этой тайны нет никакого тайника, никакого тайного закоулка, где однажды ее можно было бы застигнуть и раскрыть. Тело ничего не хранит: оно себя хранит как тайну. Вот почему тело умирает и уносит свою тайну в могилу. И хорошо, если нам остаются хоть какие-то показания его перехода.

42. Тело есть бессознательное: зародыши предков, переплетенные в цепочку в его клетках, и поглощенные минеральные соли, и обсосанные моллюски, щепки срубленных деревьев и черви, пожирающие его трупом в земле, или сжигающее его пламя и остающаяся от него зола, обращающая плоть в россыпь праха, и люди, растения и животные, с которыми оно пересекается и уживается, и легенды о древних кормилицах, и разрушенные, покрытые мхом памятники, и гигантские турбины заводов, дающих ему неслыханные сплавы, из которых ему изготовят разного рода протезы, и резкость или лепет фонем, из которых его язык создает бормотание-речь, и законы, высеченные на скрижалях, и тайные желания смертоубийства или бессмертия. Тело всего касается тайным кончиком своих костлявых кистей. И всему, в конечном счете, суждено слиться в одном теле, вплоть до корпускул-пылинок, пляшущих лихорадочный танец в тоненьком лучике света, завершающем последний день вселенной.

43. Почему показания, а не характеристики, признаки, отличительные метки? Потому что тело всегда ускользает, никогда не бывает гарантировано, дает подозревать себя – но не отождествить. Оно всегда может оказаться частью какого-то другого, большего тела, которое принимают за его дом, его машину или коня,

его осла, его матрас. Оно может оказаться и двойником того другого, крохотного и летучего, тела, которое называют его душой и которое вылетает у него изо рта, когда оно умирает. Мы располагаем лишь косвенными указаниями, следами, отпечатками, обрывками.

44. Душа, тело, дух: первая есть форма второго, а третий – сила, порождающая первую. Второе есть, стало быть, выразительная форма третьего. Тело выражает дух, то есть заставляет его выплескиваться вовне, выжимает его сок, вытягивает пот, высекает его искры и выбрасывает всё в пространство. Тело – это вспышка.

45. Тело является *нашим собственным* именно в той мере, в какой оно нам не принадлежит и убегает от закадычности нашего собственного бытия, если таковое вообще существует – в чем как раз тело и должно нас заставить всерьез усомниться. Но в этой мере, не терпящей никаких оговорок, наше тело – это не просто наше, но *мы, мы сами*, вплоть до смерти, то есть до его смерти и разложения, каковым мы можем быть и действительно бываем разложены идентичным образом.

46. Почему показания? Потому что нет никакой тотальности тела, никакого синтетического единства. Есть только куски, зоны, фрагменты. Потянешь за один кончик – вслед потянется другой: желудок, бровь, ноготь на большом пальце, плечо, грудь, нос, тонкие кишки, желчный проток, поджелудочная железа – анатомия нескончаема, пока не упирается в исчерпывающее перечисление клеток. Но и последнее не образует тотальности. Напротив, надлежит тотчас сызнова начинать весь перечень, чтобы, если возможно, отыскать след души, запечатленный в каждом кусочке. Но эти кусочки, клетки, меняются в то самое время, как их тщетно пытаются перечислить.

47. Овнешленность и инаковость тела доходят до невыносимого: до испражнений, экскрементов, презренных отбросов, которые все же составляют часть его, которые причастны его субстанции и особенно жизнедеятельности, поскольку ему надлежит их исторгать, и это не самая малая его обязанность. От экскрементов

до заусенцев на ногтях, волос и всякого рода бородавок и гнойных нарывов – телу всегда надлежит исторгать вовне и отделять от себя остаток или избыток своих процессов усвоения, избыток собственной жизни. Все это не хочется ни обсуждать, ни видеть, ни чувствовать. От этого испытывают стыд и разного рода повседневные доуки и стеснения. Душа навязывает себе молчание о целой части тела, чьей собственной формой она является.

48. Точность тела: это здесь и нигде больше. Это на кончике большого пальца правой руки, у основания грудной кости, в соске груди, справа, слева, сверху, снизу, в глубине или на поверхности, диффузно или точно. Это боль или удовольствие, или это простая механическая передача вроде соприкосновений клавиатуры и подушечек моих пальцев. Даже то, что называется диффузным применительно к какому-либо ощущению, соблюдает точность «диффузности», распространяющейся всякий раз абсолютно точным образом. Точность духа математична, точность души физична: она проявляет себя в граммах и миллиметрах, в долях излияния и скорости отложения, в дыхательном коэффициенте. В анатомии нет ничего редуцирующего, вопреки тому что полагают спиритуалисты: напротив, это предельная точность души.

49. Неточность тел: вот мужчина около сорока, с манерой скорее сухой и нервной, с видом озабоченным и в то же время несколько рассеянным. Он ступает с известной чопорностью, он мог бы быть профессором или врачом, а может быть, судьей или управляющим. Он не слишком заботится о своей одежде. У него высокие скулы и лицо как бы слегка загорелое: он несомненно средиземноморских кровей, во всяком случае ничего нордического. Роста он весьма среднего. Чувствуется, что он недотёпист, хочется спросить, где его авторитет, где решительность. Еще возникает сомнение, любит ли он самого себя. Можно еще долго продолжать в том же духе, столь много показаний, рассеянных на одном и том же теле. И наверняка мы обманемся по целому ряду пунктов, а может быть, и по всем. Однако ошибиться напрочь едва ли возможно, разве что нас обманула бы сознательная и искус-

ная маскировка. Ведь и подобной маскировке понадобилось бы заимствовать свои черты из какого-то типического, схематичного (для вида или же рода) источника. Потому что человеческие типы (как, впрочем, и животные) существуют. Они могут быть биологическими или зоологическими, физиологическими, психологическими, социальными и культурными (здесь все переплетено – не распутать), завязаны на константах питания и воспитания, полового созревания и обусловленности трудом, общественным положением, историей: но они запечатляют свою типологию, будь то даже за счет и в недрах бесконечной индивидуальной дифференциации. Никогда нельзя сказать, где начинается уникальное и кончается типическое.

50. Отрицание типов, как индивидуальных, так и коллективных, есть следствие антирасистского императива, который нам стало необходимо усвоить. Убогая, однако, необходимость, если она обязует нас сглаживать эти фамильные черточки, эти смутные, но настойчивые сходства, эти трогательные или забавные смеси, определяемые генетикой, складом, социальными и возрастными делениями этой общей среды, в которой с тем большей выпуклостью проявляется неповторимость каждого и каждой.

51. Родинка: так (по-французски «крупницами красоты») называют эти коричневые или черные, едва выдающиеся над гладью кожи крапинки, которые иногда (а у некоторых и часто) высыпают на коже точкой, меткой или зернышком. И вместо того чтобы портить красоту кожи, они, наоборот, подчеркивают ее белизну – так, по крайней мере, любили говорить во времена, когда кожу женщин сравнивали прежде всего со снегом и молоком. И женщины в случае надобности прилепляли на щеки и на шею бархатные «мушки». Сегодня ценят более смуглую, загорелую или бронзовую кожу, но родинка сохраняет свою притягательность: она привлекает внимание к коже, размечает и конфигурирует ее, направляет взор и служит для него ориентиром желанья. И мало что мешает сказать, что родинка – зародыш желанья, это микроскопическое повышение интенсивности, крупинка, чья более темная окраска концентрирует энергию всего тела, как и кончик груди.

52. Тело проходит через спазмы, судороги и расслабления, сворачивается и распрямляется, скручивается в узел, и эти узлы развязываются, корячится, трясется, икает, искрит электрическими разрядами, расслабляется, сжимается спазмом, дергается, подрагивает, дрожит, покрывается мурашками, эрегирует, заходится рвотой, отпрядывает. Тело, которое себя возносит и низвергает в бездну, выедает себя изнутри, облупливает и дырявит, рассеивает и разбрасывает, брызжет, гноится и кровоточит, увлажняется, иссушается и нарываяет, урчит, стонет, хрипит, потрескивает и вздыхает.

53. Тело обеспечивает аутоиммунитет души, в техническом смысле этого медицинского термина: оно защищает душу против нее самой, оно мешает ей всецело отдаться своей задушевной духовности. Оно провоцирует в душе отторжение самой души.

54. Тело, кожа: все прочее – литература, анатомическая, физиологическая, медицинская. Мышцы, жилы, нервы и кости, сухожилия, железы и органы – когнитивные фикции. Все это функционалистские формализмы. А истина – это кожа. Она в коже, она составляет кожу: подлинная выставленная всем ветрам протяженность, всецело обращенная вовне, и в то же время – оболочка внутренности, мешка, набитого урчанием и вонью. Кожа касается и заставляет себя касаться. Кожа ласкает и нежит, ранится, обдирается, царапается. Она раздражима и возбуждима. Она воспримлет солнце, холод и тепло, ветер, дождь, она записывает метки внутреннего – морщины, крапинки, бородавки, язвы – и метки внешнего, порой всё те же или еще другие – трещины, шрамы, ожоги, порезы.

55. Тело-полиморфный-оксюморон: внутреннее/внешнее, материя/форма, гомо-/гетерология, авто-/аллономия, рост/нараст, мое/ничто...

56. Тело-показатель: здесь есть кто-то, кто прячется, но кажется кончик уха, кто-то он или она, какая-то вещь или какой-то знак, какая-то причина или какое-то следствие, здесь есть род «здесь», род «тут», совсем близко, достаточно далеко...

57. Тело тронутое, трогающее, хрупкое, уязвимое, вечно меняющееся, ускользящее, неуловимое, истаивающее под ласками или ударами, тело без кожи, жалкая кожа, натянутая над пещерой, где мечется наша тень...

58. Почему 58 показаний? Потому что $5 + 8$ – это пять членов (руки, ноги и голова) плюс 8 областей тела: спина, живот, череп, лицо, ягодицы, пол, анус, горло. А может, потому что $5 + 8 = 13$, а 13 – это 1 и 3, где единица означает единство (тело), а тройка – непрерывное возбуждение и превращение, которое расплзается, делится и разгорается во взаимодействии материи тела, его души и его духа. Или еще: 13-й аркан таро изображает смерть, а смерть инкорпорирует это тело в износостойкое вселенское тело праха и химических циклов, перепадов температур и звездных вспышек...

59. *Как следствие, всплывает пятьдесят девятое показание, сверхитатное, избыточное – половое: тела отмечены полом. Не бывает однополого тела: унисекс – это только нынешний стиль одежды. Тело же каждой своей частичкой – это еще и пол: и груди, член, вульва, мошонка, яичники, особенности костного строения, морфологические, физиологические, тип хромосом. Тело по сути своей сплавлено с полом. И эта суть определяется как сущность отношения к другой сущности. Таким образом, тело определяется как по сути своей отношение, или в отношении. Тело соотносится с телом другого пола. В этом отношении на кону его телесность, поскольку посредством пола та прикасается к своему пределу: она испытывает оргазм, спазмы которого выталкивают тело вовне его самого. Каждая из его зон, наслаждаясь сама по себе, испускает вовне одну и ту же вспышку. Это называется душой. Но чаще это застревает в спазме, всхлипе или вздохе. Мгновение встречи конечного и бесконечного. И каждый из полов может занимать позицию как конечного, так и бесконечного.*

© Алексей Гараджа, перевод с французского

IV